

УДК 94(47).083

DOI: 10.17223/19988613/58/4

Н.Б. Кончаковская

ДЕВИЧЕСТВО ГОРОЖАНОК ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)

Рассмотрены особенности повседневности в период девичества среди горожанок Перми и Екатеринбурга в процессе урбанизации в конце XIX – начале XX в. Проанализированы изменения в процессе социализации юных горожанок в городской среде, их участие в общественной, профессиональной деятельности. Обращено внимание на трансформации межполовых отношений среди городской молодежи, на особенности воспитания, образования, проведения досуга, представлений о замужестве юных горожанок Перми и Екатеринбурга.

Ключевые слова: девичество; повседневность; горожанка; Пермь; Екатеринбург.

В конце XIX – начале XX в. в Перми и Екатеринбурге как крупных административных, торгово-промышленных центрах Пермской губернии полным ходом шли модернизационные процессы, с развитием капиталистических отношений происходила урбанизация, демократизировались межличностные отношения, наблюдалась смена мировоззренческих моделей. Данные явления были взаимосвязаны с изменением положения женщины в обществе.

Период девичества в жизни женщины, согласно определению словаря гендерных терминов, охватывал в прошлом возраст девушки примерно с возраста 10–12 лет до времени вступления в брак (с 16 лет по закону) и играл большую роль в формировании женской идентичности, когда «девушка получала необходимое образование, навыки семейной жизни, овладевала ведением хозяйства и нередко получала навыки сексуального воспитания» [1]. В данной статье рассмотрены такие сферы повседневности юных горожанок, как получение образования, участие в профессиональной деятельности, проведение досуга, взаимоотношения с противоположным полом и отношение к замужеству. Изучение повседневности юных горожанок Перми и Екатеринбурга конца XIX – начала XX в. важно для понимания особенностей социализации, их участия в разных сферах городской жизни, а также для более объективной оценки влияния модернизации на жизнь горожан, их менталитет.

Среди современных исследователей, занимающихся изучением положения российской женщины в обществе, особенностями женского воспитания и образования конца XIX – начала XX в., можно выделить Н.Л. Пушкареву, Р. Стайтса, Т.Б. Котлову, О.Б. Вахромееву, В.В. Пономареву, Л.Б. Хорошилову [2–6]. По словам Н.Л. Пушкаревой, главными элементами «новой» женской идентичности в России являлись самостоятельность, образованность и активность [2]. Английский исследователь Ричард Стайтс связывает процессы женской эмансипации в России с европейскими источниками; согласно его выводам эмансипация вначале коснулась представительниц аристократии столичных городов, в дальнейшем она стала распространяться и на низшие слои российского общества [3]. Важными для

понимания женской повседневности являются исследование культуры провинциальных городов, менталитета горожан Пермской губернии в эпоху модернизации, среди них наибольшую значимость для нашей работы представляют исследования О.Н. Яхно, А.В. Бушмакова, В.П. Микитюка [7–9]. В работах А.В. Архангельской раскрыты особенности женского образования, уровня грамотности в рассматриваемый период в Пермской губернии, в том числе и в городах [10, 11]. М.В. Егорова охарактеризовала повседневную жизнь учащихся средних школ Урала в рассматриваемый период [12].

Понятие повседневности подразумевает под собой как бытовые условия жизни, так и ценностные установки, модели поведения, жизненные стратегии, поэтому важно изучить не только «собственно жизнь», какой она была, но и представления о ней конкретных женщин и отношение к ним со стороны городских обывателей и общественности. Исследование строится на теоретико-методологической базе истории повседневности, успешно интерпретированной и развитой российским историком Н.Л. Пушкаревой [13]. Для исследования актуальны историко-компаративный, гендерный, психоаналитический и другие подходы. В работе использованы различные виды источников, включая законодательные акты, сведения статистики, документы городских управ, материалы местной периодической печати, произведения художественной литературы; особое значение имеют источники личного происхождения – переписка, мемуары, дневники, девичьи альбомы.

Основой женского воспитания в дореволюционное время в российском обществе являлась подготовка девочки к будущей семейной жизни, материнству. По отношению к детям обоего пола согласно российским законам власть родителей была неограниченной до их совершеннолетия. Она ограничивалась поступлением ребенка в общественные училища, выходом дочери замуж [5. С. 122]. Современные исследователи отмечают гуманизацию в сфере семейно-брачных отношений в России во второй половине XIX – начале XX в. [6]. Показателем трансформации в сфере девичьего воспитания в Пермской губернии являлась существенно

возросшая в конце XIX века ценность образования, в первую очередь в Перми и Екатеринбурге. Обучение в учебных заведениях становилось новой и серьезной составляющей для горожанок в период девичества и было напрямую связано с формированием новой женской идентичности. Необходимость получения образования понимали городские власти и общественность, оказывая помощь в устройстве новых школ для девочек, производя оплату обучения за учениц из бедных семей. Нацеленность на женское образование становилась заметной особенностью не только в среде высших слоев горожан; в составе учениц женских гимназий, прогимназий было много выходцев из среды крестьян, мещан, купцов, разночинцев. К первому десятилетию XX в. сеть женских образовательных учреждений в городах Пермской губернии существенно выросла [10, 11]. В Перми к 1913 г. возможность получить начальное образование имело все женское население школьного возраста, сложнее с женскими образовательными заведениями было в Екатеринбурге [11]. Однако не все родители желали определить своих дочерей на учебу, в большей степени это касалось бедных слоев городского населения. Как известно из доклада Екатеринбургской городской думы, напечатанного в 1896 г. в «Екатеринбургской неделе», были нередкими случаи, когда родители не отпускали своих дочерей в школу не только по бедности, но и пользуясь их трудом в семье. Случалось, что отцы наказывали детей за посещение школы [14. 1896. № 19].

Посещение учебных заведений вносило изменения в повседневность учениц, распорядок их дня. Школьный день для учащихся обычно начинался в 9 утра, заканчивались уроки, как правило, в 2–3 часа дня. В прогимназиях, училищах занятия могли начинаться с 8 часов утра, но раньше заканчиваться – часов в 12. В обязанности православных учащихся гимназий, епархиальных училищ, церковно-приходских школ входило посещение церкви по выходным и праздникам. Судя по материалам переписки, дневникам, юные горожанки и их окружение периодически посещали церковь, и минимум раз в год по закону православные, достигшие возраста семи лет, должны были приходиться к исповеди и причастию. Определенную часть времени вне стен школы ученицы проводили за приготовлением домашнего задания. По сведениям Оренбургского учебного округа, на домашнее задание учеников младших классов гимназии уходило около 2,5 часов в день, у старшеклассников – по 3–4 часа в день [12]. Такая большая нагрузка детей вызывала серьезную обеспокоенность среди общественности, врачей Пермской губернии, родителей школьников.

Получение образования влияло на выбор жизненных стратегий юных горожанок. Все более актуальным становилось обучение профессии, напрямую связанное с возможностью девушки в будущем иметь собственный заработок. Гимназистки, учась в последних классах, могли получить диплом домашней учительницы [10]. В Перми и Екатеринбурге со временем стали функционировать педагогические, медицинские, сельскохозяйственные курсы, при больницах девушки могли

обучаться профессиям акушерок, повивальных бабок, медсестер. Для выпускниц средних учебных заведений постепенно расширялись возможности получения высшего образования. В последние десятилетия XIX в. российские женщины могли продолжать образование на высших женских курсах (особо престижные – Бестужевские, в Петербурге), также их допускали учиться в некоторые институты. В начале XX в. в России женщинам было разрешено поступать в качестве вольнослушательниц в университеты [6].

Часть девушек-жительниц крупных городов – Перми и Екатеринбурга – стремилась к получению высшего образования. Такую тенденцию можно проследить по материалам личной переписки, воспоминаниям. Например, пермская горожанка Е.П. Сигова, дочь чиновника, в 1914 г. училась на Бестужевских курсах [15. Ф. 926. Оп. 1. Д. 173. Л. 18]. Н.С. Сигова из семьи екатеринбургских зажиточных мещан в 1907 г. поступила на Политехнические курсы в Санкт-Петербурге [15. Ф. 926. Оп. 1. Д. 181. Л. 25]. Большинство девушек из окружения семьи екатеринбургского нотариуса Батманова учились на высших женских курсах, в институтах Петербурга или Казани [16. Ф. Р-95. Д. 117. Л. 23–52 об.]. Получение высшего и профессионального образования являлось затратной статьей семейных расходов горожан, и далеко не все семьи могли это позволить. К примеру, в начале XX в. Л.В. Боголепова, дочь священника и ученица последнего класса Екатеринбургского епархиального училища, мечтала об учебе в университете, но семья не могла обеспечить материально ее учебу [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 26 об.]. Однако девушка, поработав несколько лет сельской учительницей, накопила деньги на учебу и поступила вначале на женские курсы при Казанском университете, а затем поехала учиться в Москву [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3492. Л. 11]. Стоимость годового обучения, например, на Бестужевских курсах составляла 50 руб., вдобавок к этой сумме необходимы были средства для проживания. В 1894 г. одна горожанка подала прошение в Екатеринбургскую городскую думу о материальной помощи в оплате за обучение на женских курсах в Петербурге, однако дума отказала ей в предоставлении необходимых средств [14. 1894. № 5]. Городские думы имели весьма ограниченные бюджеты на оказание материальной помощи студентам; известно, что в Перми женщина-врач Е.П. Серебренникова занималась сбором средств в пользу Общества для доставления средств обучавшимся на высших женских курсах [14. 1893. № 19]. В целом, согласно выводам историков, нацеленность на образование и саморазвитие в конце XIX – начале XX в. составляла культурную ценность в среде российских гимназисток [4, 6].

Многие закончившие средние учебные заведения девушки шли работать в педагогическую сферу – учительницами, гувернантками, классными наставницами, воспитательницами, школьными надзирательницами, в том числе в сельскую местность, на заводы. С одной стороны, это давало возможность иметь постоянный заработок. По сообщениям местной прессы, молодым учительницам из бедных семей, получавшим небольшие деньги – от 15 руб. в месяц, нередко приходилось

содержать своих братьев и сестер. С другой стороны, кроме возможности самостоятельно зарабатывать, выбор профессии учителя мог диктоваться желанием девушек нести просвещение в массы. Также более доступной становилась работа в медицинской сфере – как низшим медицинским персоналом, фельдшерами, так и врачами.

Стремление работать на благо общества, как отмечает Н.Л. Пушкарева, было присуще «новым женщинам» в России второй половины XIX – начала XX в. [2]. Вначале процесс формирования новой женской идентичности, ориентированной на демократические идеи по переустройству общества, затронул столичные города и представительниц высших сословий, затем проникал в массы. Идеалы девушки, выбравшей демократические идеалы в жизни, были показаны писателями демократического направления; среди уральских писателей-современников можно выделить Д.Н. Мамина-Сибиряка и Ф.М. Решетникова [17, 18]. Героиня романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» – образованная, честная, желавшая нести просвещение в народ девушка Надя, работавшая сельской учительницей. В рассказе «Свой хлеб» Ф.М. Решетникова девушка Дарья Яковлева также стремилась к самостоятельности и независимости, зарабатывала собственным трудом, и в 21 год поехала учиться на курсы в Петербург, чтобы стать в будущем акушеркой. Как писала в 1907 г. ученица последнего класса Екатеринбургского епархиального училища, Л.В. Боголепова, большим было желание учиться, чтобы затем «поработать для народа» [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 83 об.]. Героиня рассказа, напечатанного в издаваемом екатеринбургскими гимназистками журнале «Общими силами», планировала в дальнейшем выучиться на врача, чтобы помогать людям [19].

Следует также отметить, что в качестве дополнительного заработка для образованных девушек актуальным являлось репетиторство, спрос и предложение на рынке данного вида услуг был достаточно высок, судя по объявлениям в местных газетах, особенно в начале XX в. [20. 1908. № 1–15; 21. 1909 № 1–25]. Работа же гувернанткой, по словам уральского писателя и журналиста П. Галина, была связана для девушки с унижением, незаслуженными оскорблениями, постоянными замечаниями «мамаш» детей и «амурными покушениями папаш» [14. 1891. № 23].

К началу XX в. расширился круг профессий, на которые принимали девушек со средним образованием – юные горожанки могли устроиться работать телеграфистками, телефонистками, низшими канцелярскими служащими, библиотекарями, счетоводами. В ряд государственных учреждений женский персонал принимали только по вольному найму, без права последующего чиновничьего производства. Кроме этого, по закону разрешалось работать бухгалтерами в учебных заведениях ведомства учреждений Императрицы Марии [22]. В местной прессе встречались также объявления о поиске работы приказчицей или экономкой [21. 1910. № 1]. В Екатеринбурге, к примеру, представительницы обедневших купеческих, чиновничьих семей шли работать приказчицами, конторщицами в торгово-промышленные

заведения [9. С. 77]. У девушек, занимавшихся театральным и вокальным искусством на любительском уровне, была возможность стать профессиональными артистками. Например, екатеринбургенка М.И. Маклецкая, дочь И.А. Маклецкого, выбрала профессию оперной певицы. Также юные горожанки пробовали себя на литературном поприще [19].

Примерами низкоквалифицированного труда для женского населения Перми и Екатеринбурга, как коренных горожанок, так и обосновавшихся в городе женщин из сельской местности, заводов, являлась работа в качестве прислуги, нянками, работницами на фабрично-заводских предприятиях. Самое большое количество девочек и девушек в возрасте до 18 лет работало в Пермской губернии прислугой [23]. В изучаемый период по закону 1882 г. детям разрешено было работать на фабриках и заводах с 12 лет, было установлено ограничение рабочего дня для малолетних рабочих с 12 до 15 лет до 8 часов, запрет работы в ночное время, в праздники и выходные, нельзя было использовать труд малолетних и подростков (с 15 до 17 лет) на вредных и опасных работах, в 1885 г. подросткам также стала запрещена ночная работа на ряде производств. Предприниматели были обязаны обеспечивать малолетним, не имевшим начального образования, посещение учебных заведений, производить выплаты в случае несчастных случаев на производстве. В 1890 г. по закону ночное время работы в определенных случаях было сокращено до промежутка с 10 часов вечера до 4 часов утра. В 1897 г. рабочий день взрослых рабочих на фабриках и заводах Европейской России был ограничен 11,5 часами [24].

Труд малолетних девочек (12–15 лет) и девочек-подростков (15–17 лет) использовался на многих производствах Перми и Екатеринбурга. В качестве наглядного примера могут служить списки предприятий Пермской губернии за 1903 г. [15. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1515. Л. 3–105 об.]. Так, в 1903 г. в Перми в спичечном заведении Ф.С. Гневышева работали 7 девочек-подростков, в типографии – 3 девочки-подростка, на пивоваренном производстве наследников Чердынцева – 4 малолетних девочки, даже в кирпичном производстве А.В. Синакевича работали 7 девочек-подростков. В Екатеринбурге на кондитерском производстве Т.А. Афонинной были задействованы 10 девочек-подростков, на пивоварне Э.Ф. Филитц – 3 девочки-подростка, на спичечной фабрике Воронцова – 8 малолетних девочек, на белошвейном производстве Г.Б. Перетца работали 44 девочки-подростка, на суконной фабрике братьев Злоказовых широко использовался детский труд – там трудились 30 девочек-подростков. На екатеринбургской спичечной фабрике товарищества «Виноградов» и Логинов» работали 36 малолетних девочек, на картонной фабрике – 4 девочки, на льнопрядильной фабрике Макаровых – 40 девочек-подростков. К сожалению, списки не дают сведений о том, коренные горожанки работали на производствах или нет. Условия труда юных работниц, как правило, были тяжелым, по оценкам врачей Пермской губернии, например Н.А. Русских [14. 1880. № 6]. В целом в России начала XX в., по сведениям фабричных инспекторов, пред-

приниматели по возможности стремились заменить мужской труд на женский, поскольку женский персонал был низкооплачиваемым, спокойным и послушным элементом [25. С. 012]. Впрочем, по мнению историков, вплоть до 1917 г. работа женщин по найму рассматривалась большинством населения провинциальных городов, особенно в мещанско-ремесленной среде, как «вынужденная крайность» в силу бедственного положения семьи [8]. Работа прислугой, например, могла означать для коренных горожанок понижение социального статуса.

Говоря о девичестве в городах Пермской губернии, необходимо затронуть такую сферу повседневности юных горожанок, как досуг. В конце XIX – начале XX в. в Перми и Екатеринбурге изменения в формах проведения свободного времени горожан получили динамичное развитие, интенсивно развивался общественный досуг [7, 9]. В рассматриваемый период большую роль в саморазвитии, творческой реализации юных горожанок играло их участие в культурно-массовой сфере жизни городов. Распространенным явлением в это время стало участие учащих в культурно-просветительных мероприятиях, проводимых учебными заведениями. Литературные, музыкальные вечера, торжественные акты, проводившиеся обычно совместно женскими и мужскими средними учебными заведениями, в свою программу включали чтение стихов, спектакли, танцы [12. С. 95]. По сведениям историка В.Н. Трапезникова, жившего в конце XIX в. в Перми, пермские гимназистки входили также в кружки самообразования, достаточно популярные в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в средних учебных заведениях [15. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 61. Л. 25]. В Екатеринбурге в 1915–1916 гг. ученицы Первой женской гимназии издавали журнал «Общими силами», где затрагивали такие волновавшие их темы, как война, отношения с противоположным полом, учеба, планы на будущее. В журнале публиковались научно-популярные статьи-рефераты, отрывки из дневников девушек, письма, стихотворения, ребусы, шарады [19].

Следует отметить, что за поведением девушек, учащих в средних школах, следили представители учебных заведений. Вне школы ученицы должны были вести себя скромно, ходить в школьной форме и не появляться на улице после 7 часов вечера во время школьных занятий, летом – после 10 часов вечера; были запрещены стрижки, украшения, распитие спиртного, курение. Кроме того, учащимся нельзя было посещать разные клубы, маскарады, бильярдные, пивные. Учениц Екатеринбургского епархиального училища в начале XX в., например, на улице практически не пускали, но церковь они посещали, даже всенощные службы [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 14]. Под надзором школьного начальства находилась и переписка учащих девушек. Так, Лариса Боголепова, жившая в начале 1900-х гг. в пансионе при Екатеринбургском епархиальном училище, сообщала своему адресату Владимиру Бирюкову, что переписка учениц попадала вначале к начальнице заведения. Поэтому, чтобы избежать надзора, ученицы просили отправлять им письма на адрес сокурсницы из местных [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 18].

В целом в рассматриваемый период в среде городской молодежи Перми и Екатеринбурга шла демократизация нравов. И если в 1860-х гг. общение между полами в российских провинциальных городах осуществлялось в большей степени под присмотром старших, в рамках традиционных «гуляний», то в конце XIX в. общение молодежи становилось все более свободным [8]. Местами встреч и общения городской молодежи являлись совместные прогулки. Как писали корреспонденты местной прессы, в теплое время года молодежь гуляла в городских садах [21. 1912. № 5]. В источниках личного происхождения также часто встречаются упоминания о совместных прогулках с друзьями. Например, Александра Лихачева, пермская гимназистка, постоянно гуляла с ребятами, учившимися в разных учебных заведениях [26]. Познакомиться с молодыми людьми девушки могли и по дороге на церковные службы в выходные дни [26]. Популярными видами отдыха зимой среди горожан являлось катание на санках с горок, на коньках, летом – катание на лодках, в начале XX в. распространялось катание на велосипедах [7, 9]. Зимой в Перми, по воспоминаниям бывшего семинариста А.А. Игнатьева, в начале XX в. местом свиданий молодых людей был каток между магазином Харитоновой и банком. На катке играла музыка, было весело. Также местом встреч был скверик возле городского театра [15. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18]. Катки заливались и в Екатеринбурге; на городском пруду, например, в 1910-е гг. устраивались даже карнавалы [21. 1910. № 4]. Девушки из привилегированных, полупривилегированных слоев городского населения и интеллигенции усваивали уроки «высшей житейской деликатности», учились «строить глазки при людях» при посещении балов, вечеров, проводившихся в Благородных и Общественных собраниях; также они участвовали в любительских спектаклях и концертах. По воспоминаниям екатеринбурженки Н. Нестеровой-Анфиногеновой, в начале XX в. в Благородном собрании зимой по субботам проводились танцевальные вечера для молодежи, в Общественном собрании – балы [26]. В честь Нового года, на Рождество, Масленицу, Пасху устраивались городские гуляния, «елки», балы, вечера. Одними из любимых мест проведения свободного времени и общения городской молодежи Перми и Екатеринбурга являлись театр и кинематограф [8, 10].

Судя по источникам личного происхождения, в молодежной среде Перми и Екатеринбурга имели место походы к друзьям в гости на праздники, в выходные дни. К примеру, как писала в своем дневнике пермская гимназистка Александра Лихачева, по выходным она ходила в гости к кому-нибудь из друзей, где устраивались игры, танцы. Популярной среди ребят была игра в фанты – одна из старинных игр [27]. В 1916 г. домой к юной пермской гимназистке Шуре Крапивинной, происходившей из семьи технической интеллигенции, приходили друзья, в том числе поклонники. Также, по воспоминаниям дочери екатеринбургского городского головы И.И. Симанова Зинаиды, ее тоже периодически посещали друзья [28]. Популярными у девушек являлись совместные вечера с традиционными святочными гаданиями [27, 28].

Российская общественность, Министерство народного просвещения после революции 1905 г. констатировали падение уровня духовного развития молодежи, потерю интереса к нормальной жизни, погоню за сомнительными, пагубными удовольствиями, в особенности в крупных городах. Свою обеспокоенность нравами учащейся молодежи в Перми выражала в 1908 г. начальница мужской гимназии О.А. Циммерман в письме к Л.Н. Толстому, которому она сообщала о якобы существовавшем в городе обществе «огарчества» [29]. Как было замечено в «Отрывке из дневника», напечатанном в журнале пермских гимназистов «Наши думы», кавалеры только и говорили о барышнях, а барышни – о кавалерах [8]. В 1908 г. в сообщении начальника Пермского охранного отделения было упомянуто о том, что пермские гимназистки с гимназистами посещали номера и бани [12]. Можно предположить, что такого рода поведение девушек являлось скорее исключением, хотя действительно расширение сферы городского досуга способствовало более свободному, демократичному общению молодежи. Доля правды, очевидно, могла присутствовать в одном из фельетонов «Екатеринбургской недели» о «падении нравов» городского общества, особенно его женской половины. В качестве доказательства автором было приведено объявление в местной прессе девушки, самой искавшей корреспондента по переписке [14. 1886. № 29]. Как отмечают исследователи, тенденции «падения нравов» в молодежной среде были характерны в данный период как для России, так и для Европы [3].

Сведения об отношении юных горожанок к любви, мужскому полу можно получить из девичьих дневников и альбомов, популярных в конце XIX – начале XX в. среди российских девушек разных социальных слоев. Среди записей сохранившихся девичьих альбомов горожанок имеют место стихи, предостерегающие от несчастной любви, повествующие о правильном выборе спутника жизни. К примеру, в альбоме екатеринбургенки Шуры Блиновой, начатом в 1916 г., были такие строки:

«Люби лишь того,
Кто любит тебя.
И верь лишь тому,
В ком не видишь сомнения.
Надейся всегда лишь
Одна на себя –
Вот три современных ученья».

О мужской любви в альбоме написаны такие строки:

«Любит тот горячо, кто ревнует.
Любит тот горячо, кто молчит.
А не тот, кто безумно целует
И о пылкой любви говорит.» [30. Л. 20, 24].

Тема взаимоотношений с противоположным полом поднималась и в журнале екатеринбургских гимназисток «Общими силами». Так, в отрывке из дневника, помещенном в журнале за 1915 г., описан пример «высоких отношений» между девушкой и молодым человеком, основанных на демократических идеалах. Как замечала автор публикации, «...наша любовь – это не пошлое ухаживание кавалера за барышней, это то светлое, яркое чувство... Каждый вечер я его жду... входит он... и начинаются разговоры – бесконечные,

полные самых светлых надежд на будущее... Говорим о нашей жизни, когда я буду вместе с ним – поеду на курсы... Он говорит о совместной работе на пользу общества, пользу ближних, страждущих и угнетенных» [19. С. 5].

Между девушками и юношами могла завязаться переписка. Примером такого общения может служить переписка ученицы екатеринбургского епархиального училища Ларисы Боголеповой и семинариста Владимира Бирюкова. Переписка началась в начале 1900-х гг., когда Лариса училась в пятом классе, а Владимир – в шестом. В своих ранних письмах Лариса расспрашивала про разных мальчиков, учившихся вместе с Владимиром, – ее одноклассницы интересовались этими мальчиками, узнавали, какие у них увлечения, не встречаются ли с девушками [16. Ф. Р-2266. Д. 2527. Л. 14]. Некоторые девушки, судя по письмам Ларисы, также вели переписку с юношами. Достаточно просто и открыто Лариса говорила в письмах о любви, о семье, о своих жизненных планах. Она поведала Владимиру о своих переживаниях, страданиях первой любви к одному юноше [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 99]. Участвовали в переписке с мальчиками и гимназистки Пермской женской гимназии, где в начале XX в. училась Александра Лихачева [27].

Неотъемлемой составляющей ценностных ориентаций юной горожанки Пермской губернии было замужество, а выход замуж являлся нормой для горожанки из «приличной семьи». Важность замужества в российском обществе являлась для женщин в дореволюционное время значительной. Выходить замуж девушки могли по церковному праву не раньше 16 лет. Главной ролью женщины в рассматриваемый период в российском обществе считалось материнство, однако в процессе женской эмансипации постепенно внедрялась новая модель реализации для женщины – быть женой и матерью и вместе с этим иметь моральную свободу и материальную независимость, возможность заниматься общественно-полезной деятельностью [6. С. 251]. Согласно выводам отечественной исследовательницы Т.Б. Котловой, российские горожанки в конце XIX – начале XX в. все чаще сочетали ориентацию на создание семьи с целями получения образования, реализации в профессии и творчестве [4]. На отношение девушек к замужеству, в особенности в среде образованных горожан, влияли публицистика, литературные произведения.

Значительный общественный резонанс в вопросе об отношениях в семье в конце XIX в. получила точка зрения Л.Н. Толстого, который раскритиковал нацеленность в воспитании девушек на замужество [31]. Такой своеобразный вызов стал предметом дискуссий среди российских общественных деятелей. Другой взгляд на женскую идентичность имела супруга Л.Н. Толстого С.А. Толстая. Идеалом женственности она видела заботливость, материнские чувства, умение вести домашнее хозяйство, высокие моральные качества, заключающиеся в проявлении любви и верности в разных обстоятельствах [32]. Императрица Александра Федоровна придерживалась аналогичных взглядов на предназначение женщины [33]. Большую

роль в формировании представлений о семейно-брачном союзе среди демократически настроенной молодежи сыграл роман Н. К. Чернышевского «Что делать», где писатель показал новый тип отношений между супругами, основанный на равноправии, доверии, уважении, свободе каждого супруга.

Демократических идеалов в отношениях супругов придерживались и представительницы женского движения. Тема отношений между супругами была поднята еще в начале пореформенного времени уральской писательницей и общественным деятелем Е.А. Слободовой-Камской. В статье «О женщине в семье и обществе» она выражала недовольство по поводу нравов в семейной сфере. Неправильное понимание русскими людьми европейских идей свободы, как она считала, привело к необузданному разврату и негативным последствиям в семейно-брачных отношениях [34]. В произведении «Любовь и дружба» Е.А. Слободова-Камская обозначила проблему вступления девушек в брак. Выходить замуж без любви, по ее мнению, являлось большим грехом и превращало женщину в «рабу» [35]. По свидетельствам местной печати, в конце XIX в. среди окружения чуть ли не каждого горожанина трудно было найти два или три относительно счастливых супружества, в городах было много разведенных «открыто» и «не открыто» [14. 1892. № 42]. Российские законы в сфере семейно-брачных отношений в рассматриваемый период оставались прежними, и брак можно было прекратить в исключительных случаях.

Современные российские исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX в. в ходе гуманизации семейно-брачных отношений в российских провинциальных городах заключение брака все чаще основывалось на личной привязанности, хотя материальное и социальное положение будущего супруга среди горожан тоже бралось во внимание [8]. О расчетливости женихов в конце XIX в. писали разные российские издания. К примеру, в 1897 г. автор народного лечебника «Друг семьи» сокрушался по поводу того, что «такая святая обязанность человека, как вступление в брак, обратилась в предмет холодного и даже... гнусного расчета...», когда молодые люди женились в расчете сделать через жену карьеру или «раздобыть денег путем приданого» [36. С. 25]. Такой выбор невесты был нормой в среде чиновничества Пермской губернии в более раннее время – на рубеже 1860- гг., по словам уральского писателя Ф.М. Решетникова [18]. Однако и в последние десятилетия XIX в. местная печать также писала о расчетливости женихов в выборе невест. В фельетоне, помещенном в газете «Екатеринбургская неделя» и повествовавшем о любви к купеческой дочке, отмечалось, что милей всего жениху ее «дом чудесный, и с бриллиантами булавки, и магазин, всем известный, и с товаром разным лавки» [14. 1879. № 7]. В местных изданиях печатались и анекдоты о значении приданого для женихов при выборе невесты [14. 1889. № 50; 20. 1902. № 10]. Уральская журналистка и писательница Н.В. Остроумова-Сигова отмечала, что, к сожалению, тип мужчин-«приспособленцев», имевших целью жениться на богатой невесте, не был редкостью [14. 1890. № 45]. Встречалась и такая ситуация,

когда родители для своей дочери «покупали» дорогой ценой мужа, и в начале вроде все ладно, и дочь довольна, и зять ничего себе – ездит, а потом на душе у всех был «ад кромешный». Бывало, что бедные родители отдавали свою молоденькую, красивую дочь в жены пожилому богачу [14. 1892. № 42]. Н.Н. Лухманова, автор очерка «О положении незамужней дочери в семье», отмечала, что в малообеспеченных семьях дочерям могла внушаться мысль о том, что от их брака зависит материальное положение семьи, и в результате девушка старалась найти «подходящего», побогаче жениха [37].

В дореволюционной России, согласно выводам демографов и историков, господствовала практически безраздельно ранняя и всеобщая брачность, в отличие от более позднего вступления в брак в странах Европы [38. С. 42]. Сведения статистики, характеризующие вступление в брак в городах Пермской губернии по возрастам, взятые для сравнения за 1887, 1897, 1901, 1910 гг., позволяют выяснить, что большинство горожанок на протяжении рассматриваемого периода выходили замуж в 20 лет и младше. В целом с 1887 по 1910 г. в Перми и Екатеринбурге число девиц, вступавших в брак в возрасте 20 лет и младше, в процентном отношении к общему числу браков было меньшим, чем в уездах [39]. В Перми и Екатеринбурге этот показатель ниже, чем в остальных городах Пермской губернии, посчитанных в статистике суммарно. В Перми на протяжении всего рассматриваемого периода доля девушек, вышедших замуж в 20 лет и младше, ниже, чем в Екатеринбурге, и в обоих городах к 1910 г. число девиц, вступавших в брак в 20 лет и моложе, по отношению к общему количеству браков снизилось на несколько процентов, соответственно увеличилась доля девиц (в общем количестве браков), вступавших в брак в возрасте 21–25 лет. Следует отметить, что в «прочих городах» (кроме Перми и Екатеринбурга) в совокупности в начале XX в. наблюдалось, наоборот, некоторое повышение числа девушек, вступивших в брак в 20 лет и младше, по отношению к общему количеству браков, такая же тенденция была более ярко выражена в уездах.

Как отмечали современники, в конце XIX – начале XX в. в городском обществе на Урале были принята негласная установка для девушек – выходить замуж в 18–19 лет [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 409. Л. 5]. Однако можно отметить, что профессиональная деятельность влияла на возраст вступления девушек в брак. В среде городского учительства этот возраст в большинстве случаев был старше 20 лет, к тому же среди данной социальной общности был высоким процент одиноких женщин [40]. Ограничения на выбор жениха могла накладывать работа девушек почтово-телеграфными чиновниками – им разрешалось по закону выходить замуж только за мужчин, работавших в данном ведомстве [22]. Девушку «на возраст» старались «показать», познакомить с кавалерами на праздничных торжествах, балах, спектаклях, концертах. Например, рождественские балы в городах традиционно были «показом невест» [26. С. 186; 28].

Судя по источникам личного происхождения, часть юных горожанок размышляла о замужестве в русле

«передовых взглядов». Так, в начале 1910-х гг. Л.Н. Боголепова, выпускница екатеринбургского епархиального училища, в письме к жениху Владимиру Бирюкову описала свои представления о семейной жизни. Лариса мечтала быть для мужа не только женщиной, но и подругой, поддерживающей мужа в трудную минуту, верившей в него. Она также думала по поводу планирования детей. Хотя дети являлись для девушки очень важной целью семейной жизни, но их появление было трудно совместить с учебой Владимира в Казанском университете и планами Ларисы по продолжению обучения [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2757. Л. 122 об.]. Существенным вопросом для Ларисы являлось сохранение собственной свободы после свадьбы – жених обещал не стеснять ее ни в чем. «Конечно, придется часто уступать, но уступать взаимно... иначе выйдет подчиненность, – писала Лариса, – не может быть, чтобы мнения, взгляды... одного были абсолютно правильными. Но будем всегда взвешивать каждое мнение, высказанное одним из нас». [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2757. Л. 124, 124 об.]. Замужняя сестра Ларисы говорила ей, что «все мужчины до свадьбы... говорят, что не будут стеснять свободу, а потом на деле оказывается совсем иное». Другая девушка, Н.П. Нестерова, молодая екатеринбурженка из чиновничьей семьи, в своем письме рассуждала об одиночестве в семье, когда родным людям нечего друг другу сказать. Ее страшило то, что «со временем в семье между мужем и женой, привыкшими долгие годы молчать, не общаться друг с другом, возникает пустота...» [16. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 68. Л. 19 об.]. Еще одна юная горожанка – 15-летняя пермская гимназистка Александра Лихачева из достаточно обеспеченной семьи – своей целью видела вступление в брак с состоятельным молодым человеком, чтобы «получить богатство посредством замужества». Правда, Саша боялась и сомневалась, «хватит ли... в погоне за богатством... сил закабалить себя и сделать еще человека несчастным... А что будет, – размышляла девушка, – если я этого добьюсь, да не выдержит моя натура...» [27. Л. 70]. Как замечала уральская журналистка, печатавшая заметки в местную прессу под именем Веры Фау, вначале девушки, начитавшись романов французского пошиба, считали, что на первом месте любовь, и никак не могли понять, почему их старшие сестры находят удовольствие проводить время среди «чахленьких», ничуть не интересных «кавалерешков», но со временем слово «любовь» заменялось фразой «выйти замуж», и приходилось входить в прозаичную колею жизни [14. 1893. № 32].

Таким образом, можно заключить, что девичество играло важную роль в жизни горожанок Пермской губернии. В ходе модернизации в разных сферах жизни российского общества, урбанизации в таких крупных городах Пермской губернии, как Пермь и Екатеринбург, шли трансформации воспитания, образования девочек, изменения происходили и в сфере досуга, отношений с противоположным полом, отражавшиеся на повседневности юных горожанок. Расширялась сеть образовательных заведений для девочек. В свою очередь, получение образования, главным образом среднего, влияло на выбор жизненных стратегий юных горожанок, новые возможности общественной деятельности, эмансипацию женской личности в целом. В изучаемый период юные горожанки Перми и Екатеринбурга имели возможность работать учителями, медицинским персоналом, расширялся спектр «женских» профессий. Наиболее востребован был низкоквалифицированный труд прислугой, работницами на заводах и фабриках. Можно говорить о том, что развитие капиталистических отношений приводило к большей включенности женского элемента в профессиональную деятельность. Детский и подростковый труд использовался на многих предприятиях Перми и Екатеринбурга.

Демократизация отношений в среде городской молодежи Перми и Екатеринбурга способствовала более свободному общению юных горожанок с противоположным полом, выбору избранника для будущего брака. С другой стороны, «простота» общения в сфере межполовых отношений волновала общественность и трактовалась как «падение нравов», особенно после революции 1905 г. Изменение в специфике городского досуга, распространение театров, кинематографа оказывали существенное влияние на повседневность горожанок в период девичества.

Главной сферой жизненных планов девушек оставалось замужество. В Перми и Екатеринбурге, как и в России в целом, наблюдалась ранняя брачность – большинство девушек выходили замуж в 20 лет и младше. На отношение девушек к семейной жизни могли оказывать влияние публицистика, художественная литература, пропагандировавшие демократичные отношения между супругами. Можно говорить о формировании нового типа женской идентичности среди юных горожанок Перми и Екатеринбурга, в рамках которого кроме реализации роли жены и матери важными являлись получение образования, участие в профессиональной, общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь гендерных терминов. М., 2002.
2. Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.
3. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.
4. Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново, 2003.
5. Вахромеева О.Б. Женщина и семья Европейской России. СПб., 2008.
6. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX в. М., 2008.
7. Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
8. Яхно О.Н., Микитюк В.П. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков : очерки городского быта. Екатеринбург, 2014.
9. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

10. Архангельская Л.В. Становление женского гимназического образования в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (31). С. 95–102.
11. Архангельская Л.В. Светское женское начальное образование в Пермской губернии в второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 4 (30). С. 15–22.
12. Егорова М.В. Повседневная жизнь учителей и учащихся Урала в XIX – начале XX веков. М., 2008.
13. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
14. Екатеринбургская неделя. Екатеринбург, 1887–1896.
15. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
17. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. Екатеринбург, 1980.
18. Решетников Ф.М. Свой хлеб // Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1.
19. Общими силами. 1915. № 1-4.
20. Пермские губернские ведомости. Пермь.
21. Уральская жизнь. Екатеринбург, 1900–1910.
22. Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. СПб., 1904. Т. XXXL: Пермская губерния.
24. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. М., 1904.
25. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб., 1909.
26. Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 186–188.
27. Пермский краеведческий музей. Дневник Александры Лихачевой. НВ 6351/4.
28. Пешкова И. Отец и дочь // Урал. Екатеринбург, 2003. № 8.
29. Отто Б. Провинция и гимназия (об одном скандале в Перми) // Уральская новь. 2000. № 8. С. 156–158.
30. Музей истории Екатеринбурга. Альбом «девичий» для записи стихов Саши Блиновой. МИЕ 6259. Д. 1.
31. Толстой Л.Н. Послеслобие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 50 т. М., 1936. Т. 27: Произведения 1889–1890 гг. С. 75–84.
32. Толстая С.А. Чья вина? (по поводу «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого) // Октябрь. 1994. № 10. С. 3–59.
33. Государыня императрица Александра Федоровна Романова. О браке и семейной жизни. М., 1998.
34. Словцова-Камская Е.А. О женщине в семье и обществе // Исторический вестник. СПб., 1881. № 5. С. 95–97.
35. Словцова-Камская Е.А. Любовь или дружба. Отрывок из воспоминаний моей знакомой // Русский вестник. СПб., 1859. № 8. С. 114–125.
36. Вакулович В.М. Друг семьи. Народный лечебник. М., 1897.
37. Лухманова Н.Н. О положении незамужней дочери в семье. СПб., 1896.
38. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
39. Статистика Российской империи. Движение населения Европейской России. СПб., 1889, 1902, 1904, 1910.
40. Уколова О.С. Социально-профессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. исторических наук. Екатеринбург, 2013.

Konchakovskaya Natalya B. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: natalia_konchak@mail.ru

THE GIRLHOOD AMONG TOWNSWOMEN OF THE PERM PROVINCE AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (IN THE CONTEXT OF DAILY OCCURRENCE)

Keywords: girlhood; daily occurrence; townswomen; Perm; Yekaterinburg.

The purpose of this article is to examine the main changes in the culture of the female girlhood in the big centers of modernization and urbanization of the Perm province – Perm and Yekaterinburg of the end of XIX – the beginning of the XX centuries. The author has analysed such spheres of everyday life of young townswomen as education, participation in professional activity, carrying out leisure, communication with an opposite sex. Norms and their changes in the vital strategy of girls were considered. The research is based on methods of history of everyday life. In the article different types of sources, including state acts, statistics, documents of town councils, materials of local periodicals, the fiction were used; sources of personal origin – correspondence, memoirs, diaries, albums of girls were of very importance.

The girlhood period in Russia covered in the past age of the girl approximately from 10-12 years before her marriage (under the law marriage was allowed from 16 years). The girlhood was an important stage in life of townswomen of Perm and Yekaterinburg. During this period young townswomen had an opportunity to receive skills for future family life, communication with an opposite sex. In the period of the girlhood there took place a socialization of girls in the urban environment. At the end of XIX – the beginning of the XX century in Perm and Yekaterinburg the network of women's educational institutions extended. More and more parents and city public understood the need of receiving education by girls. Education promoted expansion of the choice of vital strategy for townswomen, their emancipation.

Development of the capitalist relations in Perm and Yekaterinburg resulted in bigger inclusiveness of women in professional activity. The range of low-skilled professions for the girls was a work as servants, nurses, workers at factories and the plants. This labour usually was heavy and low-paid.

At the end of XIX – the beginning of the XX century the sphere of leisure of young townswomen in connection with the growing popularity of theaters and cinema had changed. Popular among city youth were driving on a skating rink, participation in cultural events, campaigns to each other on a visit. Democratization of relations between the sexes promoted more free communication of young townswomen with an opposite sex. But at the same time “falling” of customs among youth at the beginning of the XX century, in particular in the studying environment, concerned the public including the cities.

The marriage during the considered period remained the main component of life of women in Russia and in the cities of the Perm province. The marriage also was important point of the vital plan of most young townswomen. In the cities the part of the girls marrying in 20 years and younger in relation to total of marriages was lower, than in counties. Proceeding from statistics materials, in Perm and Yekaterinburg at the beginning of the XX century the early brachnost prevailed – townswomen married most often at the age of 20 years and younger. Among a part of young townswomen ideas of a marriage were transformed. Except motherhood the importance of self realization in the public sphere received greater value for women. Views of the democratic relations in marriage were formed under the influence of publicism, literary works both in Russia, and in the cities of the Perm province. It is possible to speak about formation of new type of female identity among young townswomen of Perm and Yekaterinburg in which except realization of a role of the wife and mother education, participation in professional, public activity was important.

REFERENCES

1. Denisova, A.A. (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.
2. Pushkareva, N.L. (2002) "Derzkie i bespokoynye" ("Zhenskaya istoriya" Rossii 1801–1905 gg.: formy sotsial'noy aktivnosti) ["Impudent and uneasy" ("Female history" of Russia 1801–1905: forms of social activity)]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 52–66.
3. Stites, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930]. Translated from English by I. Shkolnikov, O. Shnyrova. Moscow: ROSSPEN.
4. Kotlova, T.B. (2003) *Rossiyskaya zhenshchina v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX–XX vekov* [The Russian woman in a provincial town at the turn of the 20th century]. Ivanovo: Ivanovo State University.
5. Vakhromeeva, O.B. (2008) *Zhenshchina i sem'ya Evropeyskoy Rossii* [The Woman and Family of the European Russia]. St. Petersburg: Znamenitye universanty.
6. Ponomareva, V.V. & Khoroshilova, L.B. (2008) *Mir russkoy zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XXv.* [The World of the Russian Woman: Education and Destiny. The 18th – early 20th centuries]. Moscow: Lomonosov".
7. Yakhno, O.N. (2002) *Izmeneniya v bytu gorozhan Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Changes in the life of citizens in Perm province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Yakhno, O.N. & Mikityuk, V.P. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX – XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [The everyday life in Ekaterinburg at the turn of the 20th centuries]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
9. Bushmakov, A.V. (2006) *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Changes in mentality of urban population in the Russian province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Perm.
10. Arkhangelskaya, L.V. (2015) Establishment of girls' upper secondary education in Perm province (the second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 4(31). pp. 95–102. (In Russian).
11. Arkhangelskaya, L.V. (2017) Girls' primary secular education in Perm province in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 4(39). pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17072/2219-3111-2017-4-15-23
12. Egorova, M.V. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' uchiteley i uchashchikhsya Urala v XIX – nachale XX vekov.* [Everyday life of teachers and schoolers of the Urals in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
13. Pushkareva, N.L. (2004) The scope and methods of the study of everyday life history. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 5. pp. 3–9. (In Russian).
14. *Ekaterinburgskaya nedelya.* (1887–1896).
15. The State Archive of Perm Territory (GAPK).
16. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO).
17. Mamin-Sibiriyak, D.N. (1980) *Privalovskie milliony* [The Privalov Fortune]. Sverdlovsk: Sredne-uralskoe knizhnoe izdatelstvo.
18. Reshetnikov, F.M. (1904) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
19. *Obshchimi silami.* (1915). 1-4.
20. *Permskie gubernskie vedomosti.*
21. *Ural'skaya zhizn'.* (1900–1910).
22. Polyansky, A. (1901) *Russkaya zhenshchina na gosudarstvennoy i obshchestvennoy sluzhbe* [The Russian woman in the state and public service]. Moscow: Trud.
23. Russia. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. XXXL. St. Petersburg: [s.n.].
24. Litvinov-Falinsky, V.P. (1904) *Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspektsiya v Rossii* [The factory legislation and factory inspection in Russia]. Moscow: A.S. Suborin.
25. Russia. (1909) *Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 god* [Corpus of reports of factory inspectors for 1908]. St. Petersburg: [s.n.].
26. Nesterova-Anfinogenova, N. (2000) Vospominaniya [Memoirs]. *Ural'skaya starina*. 4. pp. 186–188.
27. Likhacheva, A. (n.d.) *Dnevnik Aleksandry Likhachevoy* [Aleksandra Likhacheva's Diary]. Perm Museum of Local Lore. NV 6351/4.
28. Peshkova, I. (2003) Otets i doch' [Father and daughter]. *Ural*. 8.
29. Otto, B. (2000) Provintsiya i gimnaziya (ob odnom skandale v Permi) [Province and Gymnasium (on one scandal in Perm)]. *Ural'skaya nov'*. 8. pp. 156–158.
30. Blinova, S. (n.d.) *Al'bom "devichiy" dlya zapisi stikhov Sashi Blinovoy* [Sasha Blinova's "maiden's album for poems"]. The Ekaterinburg Museum of History. MIE 6259. File 1.
31. Tolstoy, L.N. (1936) *Polnoe sobranie sochineniy v 50 t.* [Complete Works in 50 vols]. Vol. 27. Moscow: [s.n.]. pp. 75–84.
32. Tolstaya, S.A. (1994) Ch'ya vina? (Po povodu "Kreytserovoy sonaty" L'va Tolstogo) [Whose fault? (Concerning L. Tolstoy's "The Kreutzer Sonata")]. *Oktyabr'*. 10. pp. 3–59.
33. Monarchess Empress Aleksandra Fiodorovna Romanova. (1998) *O brake i semeynoy zhizni* [On marriage and family life]. Moscow: Russkiy palomnik.
34. Slovtsova-Kamskaya, E.A. (1881) O zhenshchine v sem'e i obshchestve [On the woman in family and society]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 95–97.
35. Slovtsova-Kamskaya, E.A. (1859) Lyubov' ili druzhba. Otryvok iz vospominaniy moey znakomoy [Love or friendship. A fragment from my acquaintance's memoirs]. *Russkiy vestnik*. 8. pp. 114–125.
36. Vakulovich, V.M. (1897) *Drug sem'i. Narodnyy lechebnik* [Family Friend. National Medicine Book]. Moscow: [s.n.].
37. Lukhmanova, N.N. (1896) *O polozhenii nezamuzhney docheri v sem'e* [An unmarried daughter in the family]. St. Petersburg: B.M. Wolf.
38. Vishnevsky, A. (ed.) (2006) *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo
39. The Central Committee of Statistics. (1889, 1902, 1904, 1910) *Statistika Rossiyskoy imperii. Dvizhenie naseleniya Evropeyskoy Rossii* [Statistics of the Russian Empire. The movement of the population of the European Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
40. Ukolova, O.S. (2013) *Sotsioprofessional'nyy oblik gorodskogo uchitel'stva Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov* [Socioprofessional image of city teachers in Perm province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.